

Бетси Английская

Светлана Головина в роли Елизаветы. «Мария Стюарт» Шиллера. Постановка и режиссура Владимира Андреева. Театр-центр имени Ермоловой

Ольга Горгома

б историзме или трагическом поединке личностей речи нет. В сегодняшнем понимании политика дело не только нечистое, но и своекорыстное; здесь человеческие слабости решают больше, чем воля и ум. Последние в контексте спектакля вовсе ничего не значат. А все последние остаются на уровне личных биографий.

Суетясь и шумно ступая по массивной лестнице (декорации при этом неизменно напоминают о своей шаткости), герои, как бы снизойдя с трибун власти и официального величия, решают, несмотря на высокопарное многословие, частную проблему: жить Марии или умереть. Передача Елизаветой государственному секретарю Девисону подписанного приказа о приведении приговора в исполнение напоминает сцену из Гоголя. Она ему: выполняйте свои обязанности. Он: а что вы имеете в виду?

Вопрос, могла ли такая Елизавета править страной сорок пять лет и привести ее к наивысшему могуществу, снимается. Неуклюже кокетливая, жеманная, фальшивая, неискренняя. Кривляка, изображающая светскую даму. Даже что-то по-французски бегло? Не разобрать. Кукла, начисто лишённая обаяния, ума, воли. Разодетый в парчу комплекс неполноценности.

Но за всеми масками, вывертами, ужимками трепыхается сердце оцепеневшего от страха зверька. Каждое слово, жест отслаиваются шпакатуркой под ударами пульсирующей мышцы. Только бы избежать неверного шага.

Не трезвое сомнение, а тотальная мнительность, недоверчивость. Не коварна, а нерешительна, скованна. Не доводами за и против и даже не страхом перед конкретной опасностью — покушением. А безволием участия в навязанном поединке. Картинно-небрежно поигрывает шпагой. Но как-то по-женски неумело, неловко, словно не знает или не хочет думать об истинном назначении предмета. Подпись под приказом — не удар, а всего лишь ритуальный укол. Так, чтобы сразу отказаться, отречься. Спасет или пронзит смертельно чужая услужливая рука.

Инеродная, будто и неуместная в этой драме обстоятельность, где у каждого свой интерес или хотя бы позиция. А ей самой вроде ничего и не надо. Только бы поскорее пережить, переждать. И потому развязка сюжета — не победа или поражение, но апофеоз страха и одиночества, которых уже не утаить, даже завернувшись в кокон золотой парчи. Не наказание или расплата, а обнажение человеческой сущности. Именно она отражением, эхом достигает нашего сознания, его прозрачных и зыбких границ, всего лишь обозначающих условность и болезненную замкнутость человеческого «я». Без оправдания или осуждения.

МИХАИЛ ГУТЕРМАН